

Игорь Чесноков

НЕВЕДОМЫМИ РУМБАМИ

Заокский
2022

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 274/278
ББК 86.376
Ч51

Чесноков, Игорь.

Ч51 Неведомыми румбами / Игорь Чесноков. — Заокский :
Источник жизни, 2022. — 288 с. : ил.

ISBN 978-5-00126-194-0

Опасные приключения на море и на суше, нападения пиратов, выживание на необитаемом острове, встречи с дикарями и жизнь среди людоедов – много невероятных событий пришлось пережить главному герою этой увлекательной повести Тиму Робинзону, моряку, ставшему пиратом.

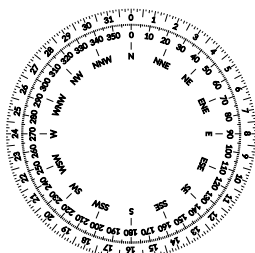
Для детей старше двенадцати лет.

УДК 274/278
ББК 86.376

Оглавление

	Пролог.....	5
Глава 1.	Из отчего дома	6
Глава 2.	Бичкомер	14
Глава 3.	Кто послал тебя на мачту?	20
Глава 4.	Сдавайся, или — пуля в лоб.	29
Глава 5.	Товарищ по несчастью	39
Глава 6.	Под пиратским флагом	44
Глава 7.	Капитан-злодей.....	53
Глава 8.	Остров изгоя.....	63
Глава 9.	Находка Дика.....	69
Глава 10.	Хозяин острова.....	76
Глава 11.	Вторая находка Дика.....	85
Глава 12.	Упавшая Библия.....	90
Глава 13.	Людоеды	96
Глава 14.	Новый друг	103
Глава 15.	Вместе умирать?	109
Глава 16.	Пожар	115
Глава 17.	И снова — в море	124
Глава 18.	Путешествия окончены.....	132
Глава 19.	Горожанин.....	137
Глава 20.	Удивительный священник	143

Глава 21.	Исповедь	149
Глава 22.	Совета дать не могу.....	154
Глава 23.	Лучше найдите себе хорошего доктора.....	160
Глава 24.	Назад — на остров?.....	167
Глава 25.	И вновь капитан-злодей	175
Глава 26.	Вот моя деревня	187
Глава 27.	Возвращение на остров	195
Глава 28.	Вождь Тобуку	203
Глава 29.	Догадка врача	212
Глава 30.	Ты — колдун?	219
Глава 31.	Нанда.....	229
Глава 32.	Кто слепые?	235
Глава 33.	Нежданное фиаско.....	243
Глава 34.	Явилась вдруг надежда	251
Глава 35.	Трудное решение	256
Глава 36.	Бог говорит	265
Глава 37.	Долгожданные перемены.....	273
Глава 38.	Поджог	278
	Вместо эпилога	284

Пролог

Жил в конце восемнадцатого столетия один моряк, ставший пиратом. В своем кругу его называли Тим Робинзон, хотя его настоящее имя было другое: Тимофей Рыбин.

Волею злого рока в свои двадцать три года этот пират оказался насильно высаженным на тропический необитаемый остров. Претерпев многие злоключения, он выжил, приспособился к диким условиям. Спустя полтора десятка лет страдальца снял с острова корабль, случайно оказавшийся в тех водах.

Как он стал пиратом, почему оказался на необитаемом острове, как выжил там, а главное, что приключилось в его жизни после спасения, — обо всем этом наш рассказ.

Нельзя исключить, что жизнеописание этого человека может стать не просто познавательным, но и пробудить в ком-то желание повторить часть его судьбы. Ибо в этой судьбе важную и даже, пожалуй, определяющую роль угодно было сыграть упавшей на него однажды с полки Библии.

Из отчего дома

Нет ничего такого, на что нельзя было бы надеяться. Жизнь и есть надежда.

Оскар Уайльд

Отчего Тимошу Рыбина всегда, сколько себя помнит, неудержимо тянуло к морю, он объяснить не мог. Наверное, оттого, что оно было рядом. Живешь у моря — живешь морем.

Из беломорской деревни для рыбных промыслов на Мурман отправлялись крепкие мужики и задорные парни — их сыны. Тимоше тоже хотелось быть и сильным, и отважным, и отчаянным, как эти поморы, земляки, связавшие свою жизнь с морем.

Не мог знать Тимоша одного: сколь много разных приключений и даже злоключений таило для его жизни это море.

В свои девять лет он умело управлялся и с веслами, и с парусами карбаса. На этом суденышке уходил он с двумя младшими братьями к дальним лудам — островкам на лов беломорской селедки. Возвращались домой с уловом гор-

дые. Мать хвалила ребят, а двум дочкам велела тут же приниматься за рыбу, чтобы и жарёха была в доме, и варёха на всю семью.

Отец-то каждый год в конце зимы еще по снегу уходил с мужиками на мурманские промыслы: треску да пикшу на ярус ловить до осени. А сынам и дочкам наказывал во всем помогать матушке.

Так без отца и рыбу ловили на прокорм, и огород засаживали, и ячмень сеяли.

А когда перед наступлением осенних штормов возвращался батя со всей ватагой в деревню, то уж и собран был к тому времени урожай, и обмолочен ячмень. Так что встречала семья отца радостно, с горячими пирогами и шанежками, по каким соскучился он при скудном рыбном пропитании в рыбацком стане.

Тимоша был похож на отца — не шибко высок ростом, но крепок телом, с ясным бесстрашным взглядом широко посаженных серых глаз, с ярко-рыжей шевелюрой на гордо сидящей голове. Типичный потомок новгородских ушкуйников, населявших в свое время северные земли и осваивавших беломорское, а затем и мурманское побережья ледовитых морей.

Он привык, как и все мальчишки его деревни, к тяжелому мужскому труду с раннего возраста. И никогда не приходило ему в голову избегать какой бы то ни было работы. Ко всякому делу, какое требовалось от него, он всегда был готов и с охотой за него брался.

С двенадцати своих лет Тимоша начал с отцом ходить на Мурман. Работал там на равных — сначала зуйком: рыбку-наживку добывать, ярусные крюки наживлять да на кухне помогать. А с четырнадцати лет и в море стал ходить с мужиками — и весельщиком, и ярус тягать, и улов с крючьев снимать.

За ним и подраставшие братья стали в очередь на Мурман ходить. По одному, по два, чтобы дом да хозяйство не оставлять на одни лишь женские руки.

К пятнадцати годам приглянулся Тимоша юной Варюшке, что жила на другом конце деревни. И он исподволь любовался стройной красавицей, особенно когда обряженная в мамин праздничный наряд Варя водила с подружками хоровод на берегу летними теплыми вечерами под стройное девичье пение. А после хороводов и игр Тимоша с Варей бродили лугами за деревней, любуясь лесом, травами и друг другом. И все шло к тому, что еще годика три-четыре — и сладится из этой влюбленной пары новая семья Рыбиных. И сыновья их будут ходить на мурманские промыслы с отцом — Тимофеем, а дочери, подрастая, помогать по хозяйству маме и водить хороводы летними вечерами.

И не во всем ли этом виделась поморам Летнего берега вполне устроенная, счастливая, можно сказать, жизнь?

Однажды вернулся Тимоша с отцом с Мурмана, глядь — а близ устья речки напротив деревни большой диковинный корабль тремя мачтами высится. Оказалось — иноземный, английский, назывался «Стеллар». Добрался он парусным ходом почти до цели — до устья Двины-реки, чтобы подняться по ней к архангельскому порту, но вот случилась беда. В тумане наткнулся корабль на мель. Повредился так, что едва не затонул. Но шкипер сумел накренить судно, загнать на отмель у устья ближайшей речки и посадить на мель так, что пробоина оказалась на поверхности, над водой.

Из Архангельского города казенные люди понаехали, начали выяснять, что да как, чтобы в столицу отписать. А на корабле затеяли ремонт. Потребовалось дельный лес сыскать да в деревню эту приволочь.

А там и зимой запахло. Видя, что нескорое это дело, шкипер «Стеллара» отправил свою команду из Архангельского города с последним кораблем в Англию. Сам остался с судовым плотником зиму коротать, за кораблем присматривать, где товару дорогого полно было в трюме. Принялись выгружать его и перевозить санным путем к Колмогорским складам до времени, до ярмарки. А поскольку корабль с товаром охранять понадобилось, то и оказался при этом деле Тимоша вместе еще с двумя деревенскими. Они помогали и в выгрузке товаров, и в уборке на зиму парусного вооружения, такелажа.

*Такелаж —
судовые снасти.*

К заделке пробоины удалось приступить лишь по весне. С наступлением же лета в один из дней с самой высокой приливной водой и подходящим ветром в берега кое-как стащили с мели корабль с поднятыми парусами. Едва ли не вся деревня помогала прибывшей из Англии команде. Заранее были завезены на глубину якоря, да выведены буксирные шлюпки...

Корабль встал на якорь: требовалось восстановить такелаж, паруса наладить. Тимоша при всем этом продолжал пребывать в помощниках, уходить на Мурман не его черед был. Шкипер оценил парня за расторопность и трудолюбие, за ум его хваткий.

Общаясь всю зиму с плотником и шкипером, Тимоша, или как называли его на судне на английский манер, Тимоти, постепенно слов английских нахватался изрядно, так что худо-бедно уже и изъясняться мог с иноземцами. В школе-то приходской языкам иностранным не обучали, лишь грамоте и счету.

...К чему весь этот рассказ про корабельную оказию английскую? А к тому, что она, так уж вышло, полностью помешала всю дальнейшую жизнь Тимоши.

Случилось же это так. Один непутевый матрос «Стеллара» залез ранним утром в овчарню у крайней избы. Связал овцу и потащил ее, блеющую, к шлюпке. Хозяин дома, а им оказался староста деревенский, уже не спал, услышал шум, выскочил во двор и бросился за воров. Завязалась драка. Матрос выхватил из-за сапога нож и пырнул им мужика в бок. Хотел и дальше бежать с овцой, да подоспевшие на шум деревенские мужики английского разбойника схватили.

Старосту отнесли к бабке-лекарке, а разбойника связали и заперли в пустом амбаре.

Шкипер «Стеллара», узнав о случившемся, попросил выдать ему матроса для собственного суда. Мужики посоветовались и отказали, возмущившись: никогда такого разбоя здесь не бывало. Да чтобы и впредь никому не повадно было руки распускать, решили, что отвезут душегуба в Архангельский город и сдадут судебным властям.

Тогда шкипер велел связать Тимофея, находившегося на корабле, запереть его в парусной кладовой и сообщил, что не отпустит заложника, пока не выдадут матроса. Вскоре «Стеллар» перешел на рейд Розового острова для выгрузки товара и погрузки нового — для Англии. Шкипер решил не ходить к архангельскому порту, опасаясь, видимо, нежелательных разбирательств, а заказал барки для перегрузки.

В конце приема груза он вновь передал деревенским свое условие. Ответа не получил, и когда пришло время отплывать восвояси, поднял якорь и направился в море. А предварительно оставил для властей «прошение», адресованное «русскому царю», в котором сообщал о своем условии и взятом русском заложнике. Дошло ли оно до адресата и возымело ли действие, об этом Тимоша никогда не узнает.

Словом, обнаружив такой поворот дела — его увозят против собственной воли на чужбину, да еще в качестве арестанта, — Тимофей обомлел. За что?!

Шкипер неприязненно ответил, что вынужден так поступить, чтобы продолжить потом торг, дабы вернуть своего матроса, которого он лишился, — члена и так-то немногочисленной команды. Когда выяснится дело с арестованным матросом и тот будет отпущен, тогда и Тимоти вернется домой на одном из судов, которое пойдет в Белое море. А на время плавания предложил стать у него матросом.

Шкипер —
капитан
парусного судна.

Сердись не сердись, а Летний берег с деревней, с родными людьми, с милой сердцу девицей Варей, со всем тем, что дорого сердцу сызмальства, — все это осталось далеко за кормой. Изменить ничего Тимофей был не в состоянии, а сидеть в темной душной кладовой тоже мало радости. Потому он рассудил, что иного выхода нет: придется согла-

ситься с предложением шкипера в надежде на то, что не вечным будет это его заключение и каким-то образом рано или поздно удастся вернуться домой.

В общем, стал Тимоша матросом на чужеземном корабле. Англичане принялись обучать его морскому делу, посмеиваясь над этой вынужденной долей русского парня.

Лишь здоровяк-боцман нещадно хлестал его линьком за любую оплошность, словно вымещал злобу за своего арестованного матроса. С ним, как узнал Тимоша, боцман был дружен — оба происходили из одной ирландской рыбацкой деревушки.

Между тем вся спина Тимоши была уже в рубцах и синяках, так что делалось нестерпимо больно при очередных ударах. Пожаловаться же было некому: боцман там был царь и бог для матросов, и они не решались ссориться с ним. А шкипер не вмешивался в работу и «воспитательные методы» своего подчиненного. Лишь бы порядок был и на палубе, и на мачтах с парусами.

Спустя месяц плавания мучения наконец закончились: «Стеллар» ошвартовался в лондонском порту. К своему удивлению, Тимоша получил жалование за работу и в море, и на ремонте «Стеллара» у деревни.

Зазвенело в кармане, и тут же возникло желание бежать с корабля, пока не избили до смерти. Тем более услышал он от матросов, что следующим для судна будет плавание отнюдь не в Белое море, ставшее несчастливым для «Стеллара», а куда-то к африканскому берегу за грузом красного дерева.

Улучив момент, когда среди ночи вахтенный матрос заснул у трапа, Тимоша по носовому швартовному канату ловко перелез на причал и был таков.

ОБЯЗАННОСТИ БОЦМАНА

*Боцман —
помощник
капитана судна.
Он занимается
организационной
работой,
отвечает
за порядок
на корабле.*

Бичкомер

В любом деле решение — лишь начало. Когда человек на что-нибудь решается, сделав выбор, он словно ныряет в стремительный поток, который унесет его туда, где он и не думал оказаться.

Пауло Коэльо

В Лондоне Тимоша, который оказался для своего шкипера беглым русским, скитался по удаленным от порта ночлежкам, дожидаясь момента, когда «Стеллар» покинет гавань. И лишь потом пошел по доковым причалам в поисках какого-либо судна, которое направлялось бы в Белое море. Но такие не попадались. Кто-то сказал ему, что к Белому морю все больше ходят голландцы. А вообще на него, паренька в оборванных штанах, коряво изъяснявшегося по-английски, мало кто обращал внимание.

Но Тимоша упорно продолжал ходить в доки и, останавливаясь у каждого судна, спрашивать, не нужны ли работники.

Между тем денежки таяли. Впереди маячила пугающая неопределенность. Ежедневные походы по причалам в поисках места на судах неизменно оказывались тщетными. Ни на больших, ни на малых парусниках работники не требовались. К тому же подобных Тимоше соискателей места в Лондоне оказалось много. Бичкомеры — безработные моряки — в районе доков слонялись повсюду в поисках работы либо в надежде встретить знакомых матросов, с какими прежде ходили в море. Те нередко подкармливали бедолаг, бывших товарищей по вантам, парусам и штурвалу, но помочь ничем не могли. Они и сами, как правило, держались на своих судах едва ли не на волоске: за малейшую оплошность в работе или непослушание шкиперы-«драконы» могли вышвырнуть любого с приходом в порт и нанять другого.

Был, правда, еще и военный флот. Но там корабельные штаты были всегда укомплектованы, а дополнительно в экипажи набирали крепких парней лишь на вновь построенный корабль, а это случалось далеко не каждый день и даже месяц. В случае начала военных действий любой мог попасть на палубу корабля даже помимо своей воли: по указу короля могли насильно мобилизовать столько молодых мужчин, сколько требовалось.

Тимоша ходил и по Лондону в поисках хоть какой-нибудь работы, начиная с заводов и верфей и кончая магазинами, лавками, мастерскими и даже аптеками.

Никому не нужен был юнец в поношенной грязной одежде, каких к тому же немало бродило по столичным улицам.

Когда в кармане осталось несколько центов и пришлось покинуть ночлежку, Тимоше стало по-настоящему страшно. Ибо если сегодня еще он мог съесть краюшку хлеба, то уже завтра и послезавтра в рот положить будет нечего. Ночевать тоже негде. Оставалось либо стать попрошайкой, каких тоже было немало вокруг, либо воровать.

Словом, когда пришло осознание той реальности, что ждала его впереди и которая уже наступала, парня и впрямь охватил невольный страх. «Воровать — самое последнее дело», — говаривал отец. К тому же именно из-за воровства, притом чужого, и оказался Тимоша в этом своем нынешнем положении. Несладко сейчас наверняка и тому матросу-британцу, другу боцмана со «Стеллара», который позарился на овечку, да еще и драться полез с ножом, защищая свою добычу. «Небось теперь на каторге где-то», — прикидывал Тимоша.

Но вот и вовсе пусто стало в карманах. Два дня уже не ел ничего парень, и дважды ночи провел он голодный, дрожа от осеннего холода, под мостом вместе с подобными бездомными оборванцами.

Он брел так же, как бродил в течение двух последних месяцев, по причалу от корабля к кораблю среди погрузо-разгрузочной суеты, фыркающих лошадей, которые тащили тяжелые возы с бочками, мешками, ящиками, слушая крики боцманов, счетчиков грузов, — брел без всякой уже надежды, а просто оттого, что нужно было двигаться, чтобы не замерзнуть вконец, продолжая привычное: «Сэр, вашему судну не нужен работник?»

«Проваливай!» — чаще всего слышалось в ответ.

«Что же делать? Что делать?» — обреченно размышлял Тимоша.

Все виделось безвыходным: хоть с причала вниз головою, чтобы сразу закончить это мучение!

Начинало темнеть, и этот подходивший к концу день не сулил ничего обнадеживающего.

«Почему я не остался на „Стелларе“? — клял себя Тимоша. — Зачем бежал с него? Очень сильно хотел попасть домой, назад, в деревню. Да и неумоготу было сносить побои и издевательства боцмана-ирландца. Но зато не поги-

бал бы от голода, холода и неизвестности. Господи, что же делать?»

Вдруг этот последний внутренний возглас отчаяния подал неожиданную мысль: «Надо помолиться!» Отец всегда так делал, когда попадал в затруднение. Но как надо молиться, Тимоша не знал, ибо никогда прежде не пробовал. Он стал вспоминать те две-три молитвы отца, которые довелось услышать когда-то на Мурмане, молитвы к Господу Богу и к святому Николаю угоднику.

Тимоша ощутил, как мокрыми стали глаза от нахлынувших вдруг горячих слез, и губы его зашептали: «Господи, помоги! Господи, не оставь! Пропадаю, Господи!»

...Дойдя до конца длинного причала, он повернул назад и поплелся, повесив голову, искать ночлег — опять голодный ночлег. Все работы закончились, причалы опустели.

Проходя мимо большого корабля с названием «Дилд-джент», парень увидел немолодого человека в темно-синем форменном пальто, какие носили обычно шкиперы судоходных компаний. Он вел на поводке черную с серыми пятнами вислоухую собаку неизвестной Тимоше породы и явно направлялся к трапу судна.

— Сэр, вам не нужен работник? — пролепетал парень на всякий случай привычную фразу.

Человек взглянул на просителя, остановился. Пес подбежал к Тимоше, обнюхал его штаны, вильнул хвостом.

— О, мой Дик признал тебя, кажется, — удивленно заметил шкипер. — Ты кто, откуда?

— Ищу работу матроса, сэр.

— Матроса? А лет тебе сколько?

— Шестнадцать, сэр, — признался парень, подняв на шкипера глаза, полные боли и надежды одновременно.

— Маловато для матроса.

Шкипер внимательнее оглядел Тимошу.

— Пожалуй, я мог бы взять тебя юнгой...

Паренек не поверил ушам своим, а его ноги при этом едва не подкосились сами собой от слабости.

—...Но без денежного содержания, — добавил шкипер. — За харчи и робу.

— Я согласен, сэр! — выпалил Тимоша, боясь, что неожиданный благодетель вдруг передумает.

А тот вновь поинтересовался, откуда паренек и что умеет.

Тимоша рассказал, что русский, сын рыбака, знаком с морем, но злая судьба занесла его в Лондон. И еще добавил, что мечтает стать моряком.

То, что парень не англичанин, шкиперу стало понятно сразу — по выговору. Ему приглянулось то, что юноша честно рассказал о себе. Шкипер оценил и крепкое телосложение

*Юнга —
подросток,
обучающийся
морскому
делу и
готовящийся
стать
матросом.*

парня, и то, что он знаком, как говорит, с морем, с тяжелой работой рыбака.

— Могу взять тебя юнгой на одно плавание, без прав, посмотреть, каков ты работник. А потом или зачислю в команду, или высажу на берег в любом порту.

— Да, сэр, конечно, сэр, — благодарно склонил голову Тимоша.

Вслед за своим благодетелем он несмело взошел на борт огромного парусника. Шкипер, полноватый, немолодой англичанин с черными бакенбардами на розовом лице, провел его в свою каюту.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Тимофей.

— Ти-мо-... Тимоти, значит. Так и запишем в судовом списке. Откуда ты?

— Из России, с Белого моря.

Шкипер хмыкнул.

— А как здесь оказался?

— Это долгая история, — уклончиво ответил Тимоша.

— Дело твое. А как фамилия?

— Рыбин.

— Так, отец Рыбин, — шкипер произнес это слово как «Робин». — Значит, сын Робина будет Робинзон.

Эту фамилию, которая отныне станет Тимошиной, шкипер тоже занес в судовой список.

Таким образом Тимофей Рыбин стал Тимоти Робинзоном.

— И не в лад, да ладно, — пробормотал он по-русски, услышав, что отныне будет прозываться на английский манер.

— Что ты сказал, я не понял? — переспросил шкипер.

— Я по-русски сказал сам себе, что очень доволен, сэр, — соврал новоиспеченный Тимоти.

Иногда поморские поговорки, услышанные когда-то от мужиков на Мурмане, сами случайно слетали с уст Тимоши.

Юнгу поместили в темном закутке той вонючей части трюма, где располагалась команда — два десятка матросов, молодых крепких парней. Столь же крепкими, как мускулы, были и употреблявшиеся ими словечки, коими они сдабривали свои незатейливые речи. Не скупились парни и на потасовки друг с другом, когда, например, заходил в тупик их спор о какой-нибудь ерунде, вроде «сколько юбок на леди и сколько их на девчонке-прислуге в таверне».

Матросы рассудили, что называть юнгу полным именем Тимоти будет, пожалуй, жирновато для него. Поэтому стали звать просто Тим. А поскольку на судне был уже матрос с именем Тим, то юнга должен был отзываться на новое имя, произведенное морскими бродягами от цвета его ярко-рыжих волос: Красный Тим.

Кто послал тебя на мачту?

*Для неба дального, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилищ усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.*

А. С. Пушкин

Таверны. Они были самым обожаемым и вожделенным местом, куда стремились матросы, едва ступали их грубые башмаки на причал по прибытию судна в любой порт. В Лондоне матросы «Дилиджента» вечером следующего же дня потащили в таверну и нового юнгу.

Тот упирался: и денег-то, мол, нет у него, и не одет он, как надо бы. Но матросы пообещали угостить его — «а после плавания ты угостишь нас» — и толковали, что морякам положено свободное время проводить в таверне, а где же еще? И пригрозили, что если не пойдет с ними в таверну, то не друг он им.